

The background of the entire cover is a black and white hypnotic spiral. It starts from a small point in the center and expands outwards in a series of concentric, slightly irregular loops, creating a strong sense of depth and movement.

Сергей Онегин

Наука никогда не СПИТ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Сергей Онегин

Наука никогда не спит

«Автор»

2026

Онегин С.

Наука никогда не спит / С. Онегин — «Автор», 2026

Евгений Милосердов - молодой студент, одержимый одной целью: понять природу человеческой усталости и однажды победить её. Для него сон, боль, страх и сама смерть - лишь ограничения, которые наука рано или поздно должна преодолеть. Но чем дальше Евгений продвигается в своих исследованиях, тем меньше в его жизни остаётся место для обычного человека. Обычные ценности со временем превращаются для него в препятствия, мешающие достижению цели. И однажды Милосердову придётся решить, насколько далеко он готов зайти ради своей цели - и что останется от него самого, если цель будет достигнута.

Сергей Онегин

Наука никогда не спит

Глава 1 "Знакомьтесь, Женя"

По Сенной площади, в чётное число августа, в довольно переменчивый час, заставляющий носить кофту в руке, закрывая мокрый зонт, шёл студент-практикант. Он только недавно вышел из подъезда, прикрывая от яркого неба свои глаза, давно отвыкшие от света.

Студент продвигался вслепую, вытянув левую руку, чтобы не сбить кого-нибудь или не выйти на дорогу. В этот час народа была уйма, казалось, что каждому было интересно посмотреть на непутёвого юношу.

Правой рукой он убирал свои тёмные волосы с глаз и наконец сконцентрировался на дороге.

Стоит отметить, что на дворе стоял 2001 год. Страна переживала бушующие изменения, которые не могли не затронуть уличных зевак.

Среди поколения 90-х слышались ещё знакомые с Российской империи темы: «Куда идёт страна?»

Не закрывается ли родная мать от всего мира или, наоборот, открывается ему? Второй вариант поддерживало большее количество людей.

Молодой человек шёл, изредка посмеиваясь, не скрывая своего косого взгляда или смеха.

Ему казалось, что диалоги ни о чём — пустая трата времени, на которую он и так убил свою юную жизнь. А насколько он стар в свои двадцать один?

Молодой человек был одет довольно свободно, приближённо к своему поколению. Единственное, что выбивало его, — это взгляд и небольшая бледность, скопившаяся от закрытого образа жизни.

«Куда идёт наша страна? Вы работайте, а не глагольствуйте. Говорить каждый может», — он уверенно шёл вперёд, хотя словно плыл.

Ему самому казалось, что походка сильно отличалась от других, словно он вот-вот полетит. Но какое дело ему было до этих разговоров? Казалось, что долгая изоляция отрезала его от всего живого.

И даже если кто-то кинул бы на него косой взгляд или начал смеяться, в своей голове и наружности он сохранил бы твёрдую уверенность в новом дне. Его взгляд не падал на других людей, напротив, они казались ему довольно противными.

«Ставлю я себя выше них? Нет. Они лицемеры, я тоже. Я тоже лицемер, но у меня есть силы это признать», — он дошёл до своего университета. — «Как я и говорил, пусть ведут себя как хотят, я не являюсь примером. Они могут обсуждать и смеяться, но я же знаю, знаю, что это нет, не зависть, им просто непривычно видеть человека, не желающего сплетничать. Для меня работа и моё дело превыше чужой жизни».

Он прошёл внутрь университета, к слову, естественно-научного, с большим упором на биологию, и направился вниз, к подвальному помещению.

«Жизнь скучна, когда борьбы нет. Вот они и сплетничают».

Голоса утихли, солнечный свет погас, и студент ступил на лестницу подвала, предварительно открыв дверь и кивнув охраннику на «здравствуйте».

Словно оторванное от нашего понимания место. Кругом стояло оборудование, на столе красовались учебники, а на стенах — обучающие плакаты.

Молодой человек уже привык к этому месту: никакого удивления, никакого спонтанного возгласа. Он молча прошёл к столу и открыл учебник по иммунологии.

Огромный справочник с пожелтевшими страницами и кучей лишней для нашего времени информации. Юноша читал, зевая, понимая, насколько сильно изменился мир.

«Если наука прорвалась вперёд, почему я должен читать такой старинный учебник? Зачем знать то, что известно уже всем? Наука не может стоять на месте, убеждаю себя... убеждаю ещё раз».

Рука потянулась перелистнуть страницу, но она этого не сделала. Студент повернулся к операционной лампе и включил её.

«Нужно изучать новое, а не топтаться на месте», — он томно зевнул, не прикрывая рот, и закрыл книгу.

Юноша аккуратно поднял со стола скальпель и повернулся на стуле, смотря на соседнюю комнату.

Он о чём-то задумался и направился к серой двери. Что-то шумело по ту сторону, билось, пыталось выбраться.

«Неужто для меня оставили».

Дверь открылась, и на столе в клетке сидел серо-белый кролик, который пытался прогрызть прутья своей решётки. Он прыгал, прыгал, стремясь к свободе, стремясь вернуться в свой дом.

Практикант подошёл, оглядывая зверька. Животное повернулось к нему, смотря большими бездонными глазами, и приблизилось в его сторону.

— Сам ко мне бежишь, ну что за чудо, — он опустил руку через прутья и погладил кролика, трогая его за уши.

Кролик стоял в напряжении, но спустя мгновение расслабился и закрыл глаза. Казалось, что он готов уснуть.

Молодой человек поднял клетку и, осторожно прижимая к груди, понёс на свой рабочий стол, ожидая реакции зверя. Зверёк очухался и стал прыгать по клетке, глядя то в одну сторону лаборатории, то в другую.

Клетка оказалась на столе, а студент принялся надевать перчатки и халат. Халат каждого студента был подписан, но не подпись «Евгений Милосердов» давала ориентир, а внешний вид халата. Этот халат был со слегка почерневшим от стирания рукавом, весь в неаккуратных пятнах от жира, крови и, самое главное, был пропитан запахом метана.

— Приступаем к эксперименту, — он взял свою ручку и достал из кармана записную книжку, описывая краткими словами состояние объекта: «Объект не имеет механических повреждений. Сыт. Не напуган, быстро привязывается».

Милосердов положил скальпель на стол и приоткрыл клетку.

«Стоит изучить лучше».

Он аккуратно поднял кролика под передние лапки, но кролик начал брыкаться и махать лапами.

— Тише, я просто смотрю, — он осторожно погладил его и стал руками отодвигать шерсть.

«Объект без ран, лапы здоровы, на вид не больной», — он ещё раз глянул в его глаза. — «Совершенно здоров».

— Проверим твои зубы, — он достал из клетки небольшую морковку и протянул к мордочке зверька. Тот открыл рот, пытаясь взять её. Свет лампы отчётливо освещал кролика.

— Это после эксперимента, больше тебе пока не нужно, — Милосердов положил морковку на стол, а кролика — в клетку.

Студент взял ручку и снова сделал пару записей:

«Внешне объект полностью здоров. Температуры по ощущениям нет, глаза чистые, сердцебиение неопределённо (в руках бился от страха)».

Практикант уже был готов опустить руку в ящик за тестируемым им препаратом, но перед самой пробой дверь открылась, и вниз спустилось новое для нас лицо.

— Неожиданно, — сказал Евгений, обращаясь к спустившемуся.

Глава 2. «Научный подход»

Свет тусклой лампы не давал рассмотреть стоящего на лестнице. Белые блики отражались в глазах. Кто это: декан, студент, профессор?

Евгений ещё раз поднял глаза, не услышав ни слова от пришедшего.

— Мы, конечно, можем помолчать, — Милосердов опустил руку в выдвижной ящик и достал пробирку с синеватым раствором, но снова остановился, уставившись на лестницу. — Что вам нужно? — На этот раз ему не хотелось отводить глаз от нечто зловещего.

Евгений застыл. Силуэт не двигался, только кролик нервно дышал и иногда бился в клетке.

— Довольно. Покажитесь! — Милосердов взялся за скальпель на столе и повернул операционную лампу на проход.

Держась за перила, на лестнице стоял другой студент. Он прикрывал одной рукой рот и всё время смотрел на Евгения.

— Убийца. Живодёр! Ты его убивать собрался?! — начал он в гневе.

— Если даже и собрался... То что с того? Почему-то я уже понял, что это ты, Лягушкин, — Евгений опустил взгляд и стал набирать синюю жидкость в шприц. — Если тебе страшно или твоей душе невероятно больно, просто выйди. Я не буду никому говорить, что видел врача-терапевта в нашей лаборатории, — спокойно закончил он.

— А я за тобой пришёл, декан попросил. Прекрати, прекрати уже! Фу, фу! — Лягушкин подбежал, снеся поднос с оборудованием.

— Лягушкин! ЛЯГУШКИН! — крикнул Милосердов. — Стой. Стой! Ещё в тебя попадёт! — Он отошёл, спрятав шприц за спину. — Видишь, не трогаю я его, не трогаю пока что.

— И не трогай, мы лечить должны, а не убивать! — Лягушкин взял испуганного кролика в руки и отвернулся.

— Ну давай теперь думать о бедном кролике, которого специально принесли сюда, — Милосердов убрал шприц в ящик. — Ведь этот кролик герой: его не сожгут на ферме, не съедят другие животные, не поймают такие же живодёры, как я. А если поймают? Они поймают не для того, чтобы добиться прогресса, а наоборот — съесть. А скольких кур ты ешь каждый день? — Евгений спустился на пол к оборудованию и стал его собирать. — Можешь смолчать, конечно. Ты же спасаешь людей. Да, давай, хорошая работа. Я бы глянул, как вы все сдохли от обычной простуды без антибиотиков.

Лягушкин вытянул перед собой кролика и покачал головой:

— Но они не заслуживают этого, нет...

Евгений посмотрел на сверкающий от чистоты халат Лягушкина:

— Улыбайся, ты же кролика спас. Оставленного специально для меня, для опасного человека. Давай, я жду, уноси его, — Милосердов поднялся и стал вытирать оборудование спиртовыми салфетками.

В лаборатории повисла тишина, отдалённо слышался треск холодильника и дыхание не только кролика, но и Лягушкина.

Лягушкин замер и...

Он вытянул кролика перед собой ещё раз, смотря в его глаза:

— Но это же неправильно...

Милосердов сел за стол, делая новые записи, даже не смотря на Лягушкина, будто ждал, пока закончится внутренняя борьба коллеги.

— Жень... Не молчи, Женя...

Евгений приподнялся, перелистнув страницы с исследованием кролика, на записи о собственной сыворотке, и вопросительно посмотрел:

— Ты знаешь, чего хочу я, — сказал твёрдо он. — Пока ты думаешь, задам ещё вопрос: зачем я понадобился декану, а тем более тебе?

— Я... Ему не будет больно, а если и будет, он умрёт быстро? — Лягушкин продолжал смотреть в чёрные глаза кролика, чувствуя, как сердце того колотится в его руках.

— Свойства препарата могут появиться через два дня, может, через неделю. Может, он умрёт в адской агонии или, наоборот, станет бессмертным? Мои исследования не ради лекарства от рака или типа того, они более глубокие, — Милосердов говорил, не пошевелив бровью, не отрывая глаз от записей.

Лягушкин закрыл глаза и положил кролика в клетку:

— Он твой. Твой. Поговорим снаружи, мне тут плохо, — он тяжело ступил на лестницу, от каждого шага словно падая вниз.

Милосердов не поднял взгляда. Он прикрыл глаза и не посмеялся, не хихикнул, а просто усмехнулся в руку, но через мгновения его лицо сразу стало невозмутимым. Он посмотрел на кролика, на мигающую лампу, на препарат.

— Лампочку заменить нужно, вечером куплю. Ты везучий кроль, мне любопытно, что от меня хотят. Дождись вечера, — Евгений поднялся и направился на выход.

Вновь яркий свет ударил по его глазам, разговоры за стеной мигом дошли до его ушей. Но возвращаться было нельзя. Он осмотрел коридор университета в поисках товарища.

Лягушкин стоял у стены, грызя свои ногти. В глазах студента читалось недопонимание и вопрос:

«Как я мог позволить этому случиться?»

Но он, как-никак, понимал, почему Евгений поступает так. Да, он и не думал его осуждать, просто хотелось, чтобы все были живы.

В свою очередь Евгений, заметивший товарища, подошёл к нему и молча встал рядом, не мешая потоку.

— Жень, я думал, ты...

— Освещение плохое. Лампочку заменить нужно, — смотря в сторону улицы, отвечал Евгений. — К тому же у тебя есть разговор ко мне, по тебе это видно, — глазами он искал магазин, где можно купить лампочку.

Лягушкин немного призадумался и с насмешкой спросил:

— Разве я не могу просто навестить друга?

— А разве друзей навещают раз в четыре месяца? Не люди, Рома. — Милосердов направился в сторону выхода. — Прогуляемся.

Два друга оказались на улице, продвигаясь вглубь Сенной к Невскому проспекту.

Лягушкин всё ещё не мог найти слова, то потирая плечо, то отворачиваясь от Милосердова:

— Ну... короче... — он замолчал. — Жень, расстался я. Выпить хочу, забыться, — грустно вздохнул Рома.

— Я даже не знал, что ты встречаешься. Приглашаешь меня выпить?

— Да, именно, естественно! — Лягушкин несколько раз запнулся, но обрадовался согласию друга.

— Почему бы нам и не выпить? Во сколько, а главное, кто будет? — скептически спросил Евгений.

— Да там два пацана с педагогического, ты, я, да и всё. Толковые ребята, мы с ними уже выпивали. Помнишь?

— По-моему, вспомнил. Одного из них трудно забыть. Так во сколько?

— Думаю, к восьми часам. Скидываться не нужно... Слушай, а что ты хотел сделать с кроликом?

Милосердов недоверчиво повернулся к Лягушкину:

— Это тебя декан подослал?

— Честно, да. Не понимаю, что плохого в том, что ты стремишься к науке. Говорит: «Лягушкин, сходи, проверь нашего горе-учёного. Скажешь потом, что у него там за "открытия"».

Евгений покачал головой и улыбнулся:

— Вот людям делать нечего. Спасибо, Ром, выручаешь. Скажи ему правду, что лекарство своё разработал, вколоть кролику хотел, да вот выпить ушёл, — он засмеялся.

— Так и говорить? А что с кроликом всё-таки, он жив? — перебив вопрос, чтобы узнать для себя самое важное, спросил Лягушкин.

— Жив, он жив, эпикуреец. Но меня ждёт работа. Увидимся вечером, не забудь передать декану мои слова.

Два друга разошлись. Лягушкин ушёл, погружённый в раздумья, сокрушённый ответом своего коллеги.

Хотелось бы описать диалог в магазине, обратную дорогу, но всё было довольно просто. Никакой лишней мысли не мелькало в голове Евгения. Казалось, что покупка лампочки была настолько ничтожна по сравнению с его целью, что он не придавал этому ни единого значения.

По новостроящемуся городу идёт молодой человек. В его сердце нет ни боли из-за потерянного детства, ни страданий по поводу тяжёлой эпохи. Всё давно пережито, принято, забыто и не имеет значения. Перед ним только настоящее, и только оно имеет смысл; о будущем и прошлом не может быть и речи.

Он идёт, иногда осматривая остальных, не для того, чтобы защищаться или нападать. Ему просто интересно, откроет ли кто-нибудь глаза. Никого. Он посмеивается, двигается дальше в полном сознании и наглой уверенности: трусы и лицемеры остаются для него позади.

Евгений вновь откинул людские сердца и голоса, закрыв за собой тяжёлую дверь в подвал.

Он посмотрел на настенные часы. Время было только три, стрелка предательски застыла.

«А я говорил, что продолжу эксперимент вечером. Заменю лампочку и поищу другие занятия».

Он пробирался по плохо освещённой лаборатории. Каждое из оборудования шипело, что-то пряталось, и это что-то просто наблюдало. Наблюдало без лишних слов, эмоций.

Это духи умерших животных? Сбежавший эксперимент? Человек? Да даже если монстр, он не помешает науке царствовать, возможно, сам вложит себя на операционный стол во имя... во имя науки? Нет, во имя будущего, будущего, которого все так ждут. Но ждёт ли его тот, кто будет оперировать?

Евгений открыл небольшой шкаф, из которого упали швабры, тряпки, ведро.

Было настолько шумно, что все остальные звуки лаборатории заглушились.

Милосердов достал из шкафа стремянку, посмотрев на остальной инвентарь.

«Сначала лампочка», — практикант направился к мерцающей лампе, поставил стремянку и заменил лампочку.

Стало намного светлее. Евгений подумал, что нужно было бы заменить и другие лампочки: работать станет не удобнее, а практичнее.

Со скрежетом он потащил старую советскую стремянку обратно. Звук ножек проходил по плитке вибрациями, напоминая когти. Под плиткой будто не было земли.

В руках оказались швабра, тряпка и ведро. Время почти не сдвинулось с трёх, но Евгений сказал сам себе:

«Раньше вечера эксперимент я не начну».

Каждый пугающий своим шипением прибор, каждый тёмный угол не страшил его.

Милосердов набрал ведро воды и стал намыывать лабораторию. Своими глазами, как детектор, он искал, что ещё ему сделать после уборки.

Всё зашло до того, что он начал протирать дверь с лестницей.

Убрав инвентарь, он посмотрел на колбы. Что-то смутило его в них: они сияли и блестели, но он всё равно принялся их оттирать.

Он разложил их от мерных до конических, отмывая каждую. Эксперимент должен пройти в лучших условиях.

Ещё несколько занятий, но стрелка остановилась на четырёх. Евгений присел на кресло и понял, что весь день ходит в своём халате. Но он задал другой вопрос, волнующий его и по сей день:

— Почему человек устаёт? Почему усталость мешает жить?

Евгений ужасно хотел спать. Он с самого утра на ногах, но ему также хотелось сесть за свои записи.

Настолько простой вопрос, но настолько он мешал Евгению.

Через силу юноша поднялся и подошёл к столу. Он достал свой дневник и... лёг головой на стол. Он уснул, просто уснул.

Евгений проспал до семи часов. Снились ли ему сны, думал ли он о чём? Он спал в одной позе, головой на своих записях, прикрывая глаза и лоб руками. Казалось, что в таком месте невозможно уснуть.

Он открыл глаза, уставившись на часы:

«19:04, время ещё есть».

Без лишней суеты, протирая глаза, Милосердов поднялся. Клетка была буквально в паре метров от него.

«Задержусь, если что», — рука машинально, по памяти, потянулась в выдвижной ящик, достав синий раствор.

«Записал ли я, что он находится в таком состоянии уже три дня? Стоит заполнить», — он аккуратно взболтал шприц, а левой рукой стал оставлять записи. «Сыворотка пролежала три дня. Осадка не наблюдается». Милосердов, прищурившись, пригляделся получше, записав ещё пару слов: «Цвет не изменился».

Он закрыл дневник и поднялся. Тишина. Лаборатория замолчала.

Евгений в последний раз кинул взгляд на шприц. Долгий, холодный. Его глаза сконцентрировались на левой руке, молча, без сожаления. Словно не кролик достоин этого.

Пушистый зверь сидел молча, лишний раз не дыша. Страшно ему? Больно? Верит ли он в кроличьего Бога?

Евгений стоял, стоял хладнокровно. Наконец он потянулся к клетке.

Скрип, небольшое усилие — и она открыта.

Рука потянулась вниз, кролик стал прыгать, биться о края, лапами отпрыгивая от руки Милосердова.

Безуспешно. Рука вытянула зверя на стол и прижала.

Дикое сердцебиение, брыкания, нельзя этому верить.

Евгений опустил шприц ближе к зверю и вколол.

Кролик застыл, не кричал, не брыкался, застыл, как статуя.

Евгений продолжил вкалывать раствор, следы синей жидкости оставались на игле. Белая перчатка поглаживала животное, на ней остались синие следы от шприца. Практикант закончил.

Он взял кролика и положил обратно в клетку, внимательно смотря за результатом.

Минута, пять, восемь. Евгений закрыл глаза и тяжело выдохнул.

— Ещё пару минут и...

Клетка громко забилась, он открыл глаза.

Кролик в бешенстве прыгал от угла к углу, от полки к полке, пытаясь вылететь из клетки. Глаза Евгения наполнились восхищением, спокойным, но явно выраженным.

В руке оказалась записная книжка, он быстро стал записывать, как вдруг стучание прекратилось.

Практикант поднял глаза и увидел упавшего вниз клетки кролика.

Он умер.

Евгений положил дневник и открыл клетку, потянувшись за скальпелем и остальным оборудованием.

«Провал», — коротко и ясно сказал он себе.

На столе оказалось белое полотенце. Милосердов с осторожностью положил на него кролика животом к себе.

Маленький серо-белый комочек лежал, не двигаясь. Некогда бушующая энергия затихла. В один момент жизнь закончилась. Его глаза были до сих пор открыты, но были пусты. Он ничего не понял.

Евгений поправил свои перчатки и, придерживая кролика, стал проводить вскрытие.

Первый разрез, кровь брызнула на руки и халат, напор был необыкновенно сильным, кровь всё время искала способ выбраться.

Студент продолжил. Рука отодвигала всё лишнее, полотенце превратилось в красное пятно. Даже не закончив до конца, практикант твёрдо сказал:

«Всё сложнее, чем можно было представить. Но это логично, очень логично. Сердце. Оно остановилось. Инфаркт. Нет, не инфаркт, но оно точно остановилось».

Он посмотрел на часы: 19:48.

«Закончу с этим завтра».

Евгений снял перчатки, положив их рядом с кроликом.

«Занимательно...»

Он сбросил свой халат и выключил свет.

Всё осталось на своих местах, всё, кроме самого Евгения.

Глава 3. «Три война»

Дверь лаборатории открылась.

Молодой человек вышел на улицу, дыша полной грудью. Он никуда не спешил, да и спешить было незачем.

Казалось, что эксперимент и эта встреча не могут быть совместимы. Но студента это не волновало.

И хоть на дворе был вечер августа, до глубокой ночи было так далеко: закат тянулся по всему светлому небу.

Было тепло. Не жарко, тепло. Практикант прикинул в голове:

«Градусов девятнадцать. Может, есть небольшая погрешность, отрицать не буду».

— Жень, Женья! — послышался стремительно приближающийся голос.

Евгений повернулся к бежавшему к нему Лягушкину.

— А я знал, знал, что ты будешь в лаборатории! — явно запыхавшись, проговорил Рома. Милосердов кивнул:

— Пошли?

— Естественно.

Двое студентов направились в сторону Васильевского острова.

— Куда мы идём? — спросил Евгений.

— К одному из них. Тут так вышло, что второй приболел, в кабак не пойдём. Короче, нас уже ждёт алкоголь и тот, ну, философ. Помнишь?

— Заносчивого того, помню. — Евгений улыбнулся. — Интересный, да?

— Да и не говори. Я, конечно, не совсем всё это понимаю, всё-таки способы у нас разные, но...

— Заслуживает похвалы?

— Да, точно. Мы с ним давно не виделись, с начала весны, наверное. Думаешь, изменился?

— Не имею понятия, — сухо сказал Евгений.

Лягушкин задумался и промолчал. Пару минут дорога была невероятно тихой.

Лёгкий ветерок с Финского залива разбавлял эту гробовую тишину. Лягушкин задал важный и волнующий его вопрос:

— Он жив? Ну, кро...

— Нет. Умер, безболезненно, но это дало свои плоды. Сердце не выдержало. — Милосердов положил руку на плечо Лягушкина. — Лучше не думай об этом.

— Тяжёлая наша работа... — он замолчал, и они дальше продолжили путь.

Лягушкин обдумывал:

«Жизни важны, но и без жертв будет больше смертей. Минус на минус не даёт плюс. Почему всё так? Лучше не думать, просто не думать».

Со временем беспокойство с его лица исчезло, и они дошли до двери.

— Увидим грозу нашего времени, готов? — сказал Милосердов.

— С тобой на всё готов! — кивнул Лягушкин.

Евгений постучал в дверь. Послышались быстрые шаги, дверь открылась.

Лягушкин и Милосердов замерли, смотря на хозяина. Это был человек с шикарными кудрями, искрящимися от идей глазами. Он отошёл от двери и проговорил:

— Милости просим, друзья. «Он верил, что друзья готовы, за честь его приять оковы!» — воодушевлённо сказал хозяин квартиры.

Лягушкин захлопал и прошёл.

— И мы рады тебе, Новаторов, — проговорил с улыбкой от речи Евгений.

— Беспорядок есть, дома я редко бываю, вечно на Неве. Ах, ребята, чего же мы тут стоим, за стол. — Новаторов лёгкой походкой направился на кухню.

— Да я тоже почти не убираюсь, но только потому, что это творчество! — предвкушая весёлое застолье, сказал Лягушкин.

— Да разве это грязно? — осматривая квартиру и слегка улыбаясь от находок, проговорил Милосердов. — Видно, что занят делами.

И хоть Евгений терпеть не мог лишние разговоры, он чувствовал что-то в этой разбросанной бумаге, иссякших чернилах, в самом студенте.

Они сели за стол. Лягушкин сразу схватился за бутылку водки, приготовленной по его заказу:

— Купил, не забыл!

Новаторов кивнул:

— Они сошлись: волна и камень, стихи и проза, лёд и пламя! Наливайте, не стесняйтесь.

— Новаторов причесал рукой свои кудри. — Что же вас двоих занесло ко мне, всё так спонтанно?

— Девушка. Лягушкин расстался, пришли топить его горе, — без лишнего отсёк Милосердов.

Лягушкин лишь печально кивнул:

— Шаболда... Променяла меня, да я...

К этому моменту Новаторов забрал бутылку из рук Лягушкина и разлил по рюмкам.

— И не говори, выпьем за горе! — он пододвинул сделанные на скорую руку бутерброды.

Все трое чокнулись, и Лягушкин продолжил:

— Я так её любил, братцы. А она...

Милосердов смотрел то на пустую рюмку, то на грустного Лягушкина и утешающего его Новаторова. Сам он не совсем понимал, зачем он здесь, но чувствовал, что так нужно.

— Девушки приходят и уходят, у меня вот никого не было.

— Ты никогда не влюблялся? — спросил с удивлением Новаторов, но быстро продолжил: — Хотя, человек науки, учёный. Но об этом позже. Я считаю, что без любви и человека нет.

Лягушкин налил ещё, не давая начать новый разговор:

— Вот, за любовь! Между первой и второй промежуток небольшой!

Каждый взял по бутерброду, закусывая вкус спирта во рту.

— Я привык обрабатывать руки, а не пить, — пошутил Милосердов.

Но никто не посмеялся. Новаторов продолжил:

— Воспользуюсь случаем и похвастаюсь, ребята. Кто мы?

— Студенты? — сказал Лягушкин, налив ещё водки и уткнувшись в стол.

— Молодёжь, — покручивая рюмку на столе, уточнил Милосердов.

— Думаю, это тоже считается. Мы молодые люди, которые строят новый мир. — Он поднялся и положил руку на грудь, почти театрально. — Мы все знаем, как было тяжело в 90-х, какие там выросли люди.

Студенты замолчали и внимательно вслушались. Весь шум, чоканья рюмок, чавканье едой — всё это исчезло и ждало конца слов Новаторова.

— Не считите меня за того, кто проклинает прошлое, но я всей душой не хочу, чтобы это всё вернулось. Я недавно работал над одной работой, ай, об этом позже. — Новаторов стал накручивать кудри на палец. — Я работал вожатым недолгое время, и самое тяжёлое — это не видеть на улице грязь, алкоголь, оставшихся бандитов. Тяжелее всего слышать голоса детей... — он замолчал на пару секунд. — У которых, возможно, никогда не откроются глаза. — Юноша сел на своё место. — Пока есть такие люди, как мы, мы должны не только думать о своём будущем, но и о будущем целого поколения, которое мы должны воспитать. — Он улыбнулся. — Я хотел сказать это иначе, ребята, мои друзья. Я скоро еду в Калининград.

— Калининград? — не успевший переключиться с мысли на мысль спросил Лягушкин.

— Да, по обмену, на время. Очень надеюсь увидеть Европу, немцев, поляков. Спросить их о жизни и о ещё кое о чём. Но давайте я не буду вас сильно нагружать. Короче, я через неделю уезжаю. Если что, звоните, хотя связь дорогая сейчас.

Милосердов кивнул, но слова Новаторова и вправду его озадачили.

Лягушкин и Новаторов продолжили пить, а Милосердов поднялся из-за стола.

— Я схожу покурю, скоро подойду.

Евгений вышел в комнату Новаторова, шелестя ногами по разбросанным бумагам. Из кухни до сих пор слышался смех и обсуждение чего-то непостижимого.

Дверь на балкон открылась, и Милосердов подошёл к окну.

Ни ветра, ни людей. Уже стемнело. В этой темноте чиркнула зажигалка, искря сине-оранжевым пламенем, и зажглась сигарета. Юноша посмотрел на крышу соседнего дома и задумался. Не задумался — убедился. Убедился, что его цель важна не только ему, но и другим.

«Если лично я это сделаю, то увижу всё своими глазами. А если не я? Обыграть смерть пока наука не позволяет, но заложить фундамент я должен. Всё ради интереса». — Он улыбнулся, закрыв глаза. — «Научного интереса».

Евгений покинул балкон, предварительно затушив сигарету. Он снова отбросил свои раздумья и зашёл к друзьям. С кухни слышался спор.

— Да я тебе ещё раз говорю, — показывая на пальцах, начал Новаторов, — абрикосы вкуснее персиков! — Он взял Лягушкина за плечо.

— Нет, нет, нет и нет, мой любимый друг! — пошатываясь, поднялся Рома. — Персики — это beautiful, ммм, tasty!

— Начнём с чистого листа! — Новаторов поднялся и достал из шкафа фиолетовый виноград. — Виноград на третьем месте. — Показал он три пальца. — Персики на втором! — громко и чётко произнёс он, достав из-под стола персиковый сок. — А абрикосы! — Он взял с тумбочки тарелку с сочными абрикосами. — На первом! — Новаторов закинул один из них в рот и выплюнул косточку.

— С виноградом ик... согласен! — Лягушкин ударил по столу. — Но остальное бредятина. Как врач говорю, персики на первом, абрикосы на втором! — Он демонстративно открыл персиковый сок, налил в рюмку водку и выпил её, запив соком. — Ах... хорошо пошла.

— Я ещё раз повторю! — Новаторов сел напротив, положив перед Ромой абрикосы и виноград.

Милосердов сел на диван около кухни и смотрел на это представление, иногда хихикая. Ему было очень любопытно.

— Да обоснуй ты, чем абрикосы лучше! — Лягушкин раскинулся на стуле, в его глазах читалось явное опьянение.

— Легко, врач ты непутёвый. Во-первых! — Он съел абрикос и выплюнул косточку. — Видишь, как всё легко. А персики? — возмутился он. — Ты их откуси, они потекут, все руки липкие, подбородок липкий, губы тоже, стол тоже. Это неудобно! — Он налил себе водки и торжественно произнёс: — За абрикосы! — Рюмка вмиг осушилась, а во рту оказалась горсть абрикосов.

— Ты их есть не умеешь! Ик... я вот... — Лягушкин увидел сидящего Евгения. — Женя... Женечка... вот что лучше, абрикосы или персики?

Евгений встал и подошёл к студентам:

— Нектарины, — ответил он и сел за стол, тоже налив себе водки.

— Не понимает, — твёрдо сказал Лягушкин и лёг головой на стол.

— Дурачок! — воскликнул Новаторов. — Зато какой дурачок! — Он протянул рюмку, и Евгений наполнил и её.

Два студента чокнулись, пока Лягушкин лежал и обдумывал, почему персик лучше.

Студенты сидели в тишине, иногда слушая икоту Лягушкина. Новаторов хотел что-то спросить, но будто ждал момента. Его рука то поднималась, то опускалась, губы сжимались, а дыхание становилось громким.

— Отнесём товарища? — спросил наконец-то он.

— Естественно, — ответил Милосердов.

Поэт поднялся, чуть пошатываясь, и подошёл к Роме и приобнял его.

— Давай, приятель, сейчас мы тебя... — явно пытаясь процитировать кого-то, он сбился под тяжестью друга. — А ты тяжёлый... ну ничего! — говорил он с передышкой.

Евгений подошёл и положил вторую руку Лягушкина себе на шею, помогая Новаторову поднять алкоголика.

— Пацаны... я вас так люблю, вы бы знали! — воскликнул Лягушкин.

— И мы тебя, здоровяк! — усмехнулся Новаторов, продвигаясь вперёд.

— Затвердил, Стёпа, — безэмоционально ответил Милосердов, но улыбнулся от абсурдности.

Тяжёлыми шагами они направлялись к дивану.

— Любви на свете в-с-е п-о-к-о-р-н-ы, — мычал Лягушкин, падая на диван.

Новаторов с облегчением выдохнул:

— Отдыхай! — Он потянул спину. — Давно я ничего такого не таскал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.